

ступлю к заключительной части. Философская мысль вообще требует известной аскетики и воздержания от самых соблазнительных иллюстраций.

Выскажем теперь несколько комментариев к третьему — высшему метафизическому плану романов Достоевского.

В настоящей статье было бы неуместно проследивать диалектику идей в его произведениях. Это потребовало бы слишком много времени, и на эту тему написаны сотни книг и статей.

В данной статье мне хотелось бы подчеркнуть лишь функциональную роль этого метафизического плана в архитектуре произведений писателя, а заодно подчеркнуть значение Достоевского как религиозного художника. Ибо метафизический план романов Достоевского есть, в последней инстанции, план религиозный.

Еще в начале шестидесятых годов в ряде статей, опубликованных в журналах «Время» и «Эпоха», а позднее также в «Дневнике писателя», Достоевский не раз развивал идею «христианского искусства» как высшего рода художества.

Но и само творчество писателя было, по своему духу, христианским искусством. Романы-трагедии Достоевского можно рассматривать как христианские трагедии. В отличие от античных трагедий Рока, романы Достоевского суть «трагедии свободы», трагедии подпадения человеческого «я» духовным соблазнам гордыни и сверхчеловечества. В спасительный противовес этим богоборческим идеям он выдвигал христианскую идею смирения: «Смирись, гордый человек».

Но, обличая все смертные грехи гордыни, Достоевский остается при этом прежде всего художником, а не становится проповедником. (Для проповедей он избрал себе форум на страницах «Дневника писателя».)

«Герои зла» (Ставрогин, Иван Карамазов и другие) изображены Достоевским изнутри, в полной мере художественной объективности — при том несомненном факте, что автор вложил в них многое от своего субъективного «я». Так, о Ставрогине он говорил, что этот образ у него «из души вылился». Мало того, идеи этих атеистических героев выражены с самой их выгодной, сильной стороны. Эти негативные идеи обладают огромной заразной силой.

Интересно, между прочим, что в то время как большинство русских критиков и философов больше восприняло идеи князя Мышкина, Алеши и старца Зосимы, — большинство иностранных критиков находилось более под впечатлением философии отрицательных героев Достоевского. Но даже Победоносцев выразил в свое время тревогу по поводу той силы и глубины, с которыми представлена атеистическая философия Ивана, и считал, что проповеди старца Зосимы — недостаточное противоядие против этих «опасных» идей.

Это лишний раз показывает, что несмотря на все свое, иногда фанатическое, православие, в своих художественных творениях Достоевский ни разу не погрешил против неписаного канона об «идейно-психологическом» нейтралитете взыскательного художника. Этот «вооруженный нейтралитет» — одна из самых характерных черт эстетики Достоевского. Достоевский никогда не выводил морали из трагедии — это, конечно, снизило бы трагический пафос его произведений.

Итак, Достоевский — трагический романист "par excellence". Но трагедия немислима без катарсиса — без той смеси эмоций благоговения, надежды и страха, в которых Аристотель видел психологическую сущность катарсиса. Мало того, катарсис должен иметь освобождающий эффект.

Созерцание ужасов и катастроф, которыми как раз полны романы писателя, должно настроить душу читателя на высокий лад и, главное, должно дать ему чувство освобождения.